

Теодора Янници,

Кандидат исторических наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

директор Греческого Культурного центра г. Москвы (www.hecucen.ru)

«Греция-Россия: Общие страницы истории . - Эллинизм и филэллинизм в России: прошлое, настоящее и будущее».

Прекрасный климат, богатство произведений, выгодное положение для торговли и знаменитые происшествия Древней Греции всегда будут привлекать на острова Архипелага любопытных путешественников и обращать внимание политиков.

В.Б.Броневский, офицер российского Флота, участвующий в 3-й Средиземноморской экспедиции российского флота под руководством Д.Н. Сенявина в период с 1805-1807гг.

Данное высказывание упоминает в своих мемуарах офицер российского флота Владимир Броневский в отношении Греции, принимавший участие в операциях офицеров флота в Средиземном море (Эгейское и Ионическое моря) под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина в период с 1805 по 1807 гг.

Дорогие друзья!

Трудно переоценить масштаб, значимость, мощь, величие и потенциал в общей истории двух наших миров, соприкосновение которых, с исторической, культурно-географической точек зрения, берет свое начало еще в мифологии, а развивается в исторической реальности. Греческое присутствие на Черном море берет свое начало в мифологии и заканчивается в исторической реальности. Девятый подвиг Геракла приводит героя к реке Фермодонт, где он должен получить с помощью Тесея и Теламона пояс Ипполиты, царицы амазонок. Прометей прикованный на Кавказе, Ясон, экипаж Арго и поход аргонавтов, назвавших негостеприимное черное море гостеприимным - «Понтом Эвксинским», основание греческих колоний сразу после Троянской войны, таких как Синоп, Трапезунд, Амисос, Одесса, Глубокая Гавань Диоскурия, Пицунда, Археополис,

Триполи, Амасия, Пантикапей, Херсонес, Борисфен, Тира, Ольвия, Борисфенида, Тирас, Керкинитида, Калос-Лимен, Феодосия.

В последствии, со средних веков и позже, с периода первых торговых сношений, знаменитого «Пути из варяг в греки», и принятия христианства на Руси у Византии, с крещения Великого киевского князя Владимира и его венчания в Херсонесе на византийской принцессе Анне, катализаторский момент в истории, наши миры объединяются на века, наша историко-духовно-культурно-цивилизационная общность обретает навсегда непоколебимые узы.

На протяжении столетий судьбы российского и греческого народов тесно переплетались.

Первые торговые сношения, знаменитый «Путь из варяг в греки», Византия, принятие христианства на Руси, что навсегда объединило двух народов непоколебимыми узами, что постоянно подкрепляется приглашением в Московию греческих ученых, богословов, иконописцев (среди которых следует упомянуть Фотия Манемвасиота, облачение которого украшают экспозицию Оружейной Палаты, иконописца Феофана Грека, Архиепископа Арсения Элассонского, смотрителя Архангельского собора при Иване Грозном, венчанием в 1472 году в Успенском Соборе Софии-Зои Палеолог на Великом Московском Князе Иване Третьем, при сыне которых, при Василием Ивановичем, двуглавый орел стал гербом Московского княжества, созданием в 1687 греческими братьями Иоаникием и Софронием Лихуди Славо-греко-латинской академии, первого высшего учебного заведения Москвы, деятельностью на Руси греков-просветителей, таких, как Никифор Феотоки, Евгений Булгарис и др. , создание в 1687 г. в Москве славо-греко-латинской академии, русско-турецкие войны XVIII столетия, в ходе которых греки активно поддерживали Россию, Чесменское сражение 1770 года, расселение греческого населения в основном на юге Российской империи, где пользуется большими льготами и привилегиями, создание в 1800 году Ионической Республики семи островов, фактически первого независимого греческого государственного образования, адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым, Средиземноморская экспедиция адмирала Дмитрия Николаевича Сеньявина в период 1805-1807 гг. (неизвестного в греческой историографии), в ходе которой в морских битвах при Афоне и Дарданеллах в мае и в июне 1807 года соответственно в очередной раз российский флот громил османский флот, активное участие российской дипломатии в решении греческого вопроса, легендарное Наваринское сражение в октябре 1827 года, когда соединенный англо-франко-русский флот уничтожил турецко-египетский, русско-турецкая война 1828-1829 гг. (победа России, Андрианопольский мирный договор от 14.09.1829, по которому Россия обязывала Порту предоставить автономию Греции, в развитие чего несколько месяцев спустя, в январе 1830 года, в Лондоне был подписан Протокол о создании независимого греческого государства, Протокол Независимости) – вот некоторые из важных век совместного исторического пути двух православных народов.

Уже самые ранние описания путешествий в Грецию достаточно четко определяли то общее начало - православную веру, - которая неизбежно обуславливала изначально благожелательное общее настроение русских и греков по отношению друг к другу. Эти

черты греческого народа достаточно характерно отмечает в своих описаниях киевский монах Василий Барский, который в 1723-1747 гг. предпринимает путешествие по святым местам, в число которых, естественно, попадают и греческие христианские церкви и монастыри. Барского поражает тот чрезвычайно теплый прием, который русским путешественникам оказывает греческое население практически везде, видя в них, прежде всего, своих единоверцев. Так, когда он со своими попутчиками оказался на острове Корфу практически без средств к существованию, местные церковные деятели помогли оформить разрешение, чтобы «эти странные путники из стран Российских» собирали на острове милостыню и даже дали им в сопровождение греческого иеромонаха Афанасия. Когда же русские странники «собрали немалую милостыню», весть об их прибытии уже разнеслась по всему городу и греки даже соперничали, кто из них первый пригласит русских странников к себе домой.¹ Характерно, что именно в церквях и монастырях, которые посещали русские паломники, и происходило их знакомство с греческим населением.

Воспоминания путешественников изобилуют свидетельствами того, что греки именно в русских зачастую видели возможность избавления от религиозных притеснений со стороны турок. Уже упоминавшийся выше Хметевский, например, описывает, как группа представителей высшего духовенства ряда греческих островов Эгейского моря направила в феврале 1771 года послание на имя императрицы Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Орлова, командовавшего русской эскадрой, с просьбой взять под опеку и покровительство «всех греческого исповедания благочестивых христиан».² Однако более важным представляется то, что сходные настроения были распространены не только среди высшего духовенства, которое, несомненно, было более искушенным в делах политических, но и среди простых верующих. Российский офицер, участник 3-й средиземноморской экспедиции под руководством Дмитрия Николаевича Сенявина 1805-1807гг. Владимир Бронеvский описывает несколько случаев, когда простые греки при встрече с русскими просили помочь избавиться от религиозного притеснения турок. Приведем лишь одно характерное описание из его воспоминаний о посещении российскими кораблями острова Имврос:

¹ Путешествие Василия Григоровича Барского к святым местам в Европе, Азии, Африке. Ч. 1. Спб., 1778. С. 118-119.

² Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Т. 49. № 1. Спб., 1855. С. 63-64.

Каждый турок-начальник селения требует подарок. За свободу богослужения начальник острова иногда требует произвольную подать. Если тотчас не внесут ее, приказывает сломать церковь. Это несчастье случилось и с здешними жителями. Не знаю, почему думал священник, будто бы я имею право позволить жителям восстановить церковь. Он в длинной речи изъясил свое прошение. ...Я удивился, но имея в мысли внушения начальства - «сколько можно снисходительно обходиться с греками» - и при том полагая, что отказ мой не будет им понятен (ибо не только офицера, но и простого солдата почитают они существом гораздо их превосходнейшим) я дал мое согласие и вынужден был идти с народом туда, куда меня повели.³

Однако даже когда греки не могли непосредственно помочь русским и принять участие в боевых действиях, они радовались успехам русских войск и поражениям турок. Лейтенант русского флота Сергей Плещеев описывает, как во время его поездки на Ближний Восток в 1772 году было получено известие о начале новых боевых действий российского флота против турок. По его словам, это известие вызвало взрыв восторга у греческого населения: «Народ весьма радовался, ибо они все считают себя счастливыми, что помогают россиянам против турок».⁴

Плещеев пишет, как был немало удивлен, когда во время его пребывания на Ближнем Востоке, «одетая по-турецки» представительница богатой семьи, общаясь с ним, вдруг выразила восторг по поводу успехов российского флота в Средиземном море. Однако, на его удивление, девушка, несмотря на свою внешность и свободное владение турецким языком, оказалась гречанкой, ненавидевшей турок. «Дай бог им (русскому флоту - Ф.Я.) столь благополучно продолжить удачные доселе свои завоевания, освободить из жестокого плена единовѣрных, а паче наших сестер, хуже скотов

³ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб, 1819. С. 36. Также см.: С.48.

⁴ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. СПб, 1773. С. 69.

гнусными турками содержимых», - так гречанка реагировала на известия о русских победах.⁵

Практически в каждом воспоминании русских путешественников, участвовавших в военных действиях против турок, содержится немало примеров, когда греки помогали в борьбе с турками. Приведем лишь одно из таких описаний о событиях русско-турецкой войны 1768-1774 гг., принадлежащее офицеру российского флота Матвею Коковцеву и достаточно характерно отражающее мнение российских путешественников о греках:

*Во время пребывания российского флота в архипелаге, ободряемые российским оружием, явили они знаки отличной храбрости. Самые малые их суда при нападении турецких галер лучше жглись, нежели соглашались отдаться в плен неприятелю. Нерегулярные войска из них набранные ... при высаживании их на берег показывали всегда отличное мужество, их оживляющее. Инсариоты, Миконцы и прочие островитяне вооружали небольшие суда ..., которые при помощи российского флота не только множество турецких купеческих кораблей пленили, но, выходя часто на берег, опустошали селенья.*⁶

Народная дипломатия российских военных принесла свои плоды. Практически во всех местах, куда прибывала российская эскадра, ее радостно встречало греческое население. По воспоминаниям вышеупомянутого Владимира Броневского в апреле 1807 г. на острове Имбро греки «с радостью предложили, хотя не многое, но все, что они имели, не требуя платы...»⁷, а на острове Самосе, вскоре после Дарданельского сражения, «толпа народа или лучше весь город шел за нами. На площади у фонтана девицы.....оставляя свои кувшины, подносили нам букеты цветов»⁸.

В результате греки стали во многом отождествлять себя с Россией, а свою борьбу за независимость тесно связывать с походом Сеньявина и присутствием российской эскадры в Средиземноморье. Свиньин так описывает реакцию жителей Идра на прибытие российского флота: «Тотчас же присланы из города депутаты поздравить Адмирала с благополучным прибытием; между прочим они сказали: «все греки, в коих еще тлеется искра чести – готовы умереть за свободу и любовь к России»⁹. Немало сходных описаний можно найти и у Броневского: «В пылком усердии преданности своей к России,

⁵ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. Спб., 1773. С. 75.

⁶ Коковцев М.Г. Описание Архипелага и Варварийского берега. Спб., 1786. С. 40, С. 71-72.

⁷ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сеньявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. Спб., 1819. С.35.

⁸ Там же, стр. 72.

⁹ Павел П. Свиньин: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. Спб, 1819г. , стр. 8.

*Греки снова и торжественно заклились, пролить за Русских последнюю каплю крови».*¹⁰ Часть греков даже начинают воспринимать Россию как свою вторую родину. Так, по воспоминаниям Броневского, по завершении Афонского сражения во время переговоров о мире с турками и подготовки возвращения российской эскадры на Корфу, греческое население Тенедоса разъехалось по островам, где нет турок (поскольку после осады турки порубили фруктовые деревья и истребили большую часть виноградников). Многие греки, при этом, «вступили в верноподданство и отправились в Корфу в ожидании удобного случая для переезда в Россию»¹¹.

Однако наиболее ярким описанием итогов экспедиции в плане установления межличностных контактов между греческим и русским народами в ходе российской военной экспедиции Сенявина и роли самого адмирала в укреплении этих связей могут служить сцены прощания с русской эскадрой на острове Корфу. Вот как описывает происходившее офицер Павел Свиньин:

Нельзя было без умиления взирать на трогательное зрелище, поразившее нас, когда ... Адмирал пошел поклониться в последний раз благодетельствовавшим нам мощам Св. Спиридона. Не только улицы, но все окна, крыши домов покрыты были народом, кланяющимся и всеми образами приветствующим Сенявина. Толпа шла по следам нашим и дожидалась во все время прощального обеда нашего... Она провожала нас до самой пристани, которую нашли мы также покрытою народом. Все хотели проститься с Сенявиным, обнять его. Добрые, признательные греки на сию минуту забыли горячую им опасность и в излиянии сердец своих показали, сколь они почитают обязанными Адмиралу за счастье и свободу, коими они наслаждались во все время его начальствования. Сенявин не мог быть равнодушен, слезы покрыли гордые ланиты его – я плакал как ребенок. В первый раз полюбил я всею душою Корфиотов; в первый раз почувствовал, что мне жаль расстаться с ними, как с близкими родственниками. С немалым также удовольствием видел я печаль жителей при расставании с солдатами нашими. Они прощались как друзья, плакали, уверяли друг друга в дружбе, в признательности и несмотря на то, что объяснялись на едва понятном диалекте, наши на худом итальянском и греческом, а корфиоты - на плохом русском, но разговоры их право были красноречивы. Не делает ли сие большой

¹⁰ Владимир Б. Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год», Ч. 3, Спб., 1819г., стр. 124

¹¹ Там же, стр. 168-169.

*чести нашим воинам? Покорять сердца важнее и славнее, чем покорять государства.*¹².

Весьма сходное описание, полное самых теплых чувств и эмоций, мы находим и у Броневского:

*Прощанье жителей с нашими солдатами, искреннее свидетельствовало народной к нам любви, ни какое перо описать не может. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридония для принятия благословения в путь, духовенство от всех церквей в черном облачении вышло с крестами и святою водою. Протопоп подав хлеб и соль Генералу Низтмову, начал речь, но зарыдал, залился слезами и не мог продолжать. Ударили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но все окна, крышки домов покрыты были народом, который в излиянии признательности своей забыл на сию минуту, что он такою откровенностью раздражает новых своих властителей (т.е. французов). С балконов сыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось гласом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался со своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали. <...>Я в первый раз увидел и поверил, что Корфиоты имели причину любить Русских, они подлинно без нас остались сиротами. Можно сказать, что Корфиоты и Катарцы были любимыми чадами России, которых мы покоили, берегли и ласкали, ни требуя от них никакого пожертвования.*¹³

Когда в 1821 году в Греции началась революция, греки все в большей мере обращают взоры к России и видят в ее поддержке залог достижения успеха в борьбе с османским игом. Причем никогда до начала вооруженного восстания вопрос жизни и смерти не стоял так остро для греков. Оказавшийся почти в центре вооруженного противостояния русский паломник Кир Бронников, крепостной графов Шереметьевых, так описывает общественные настроения, царившие на острове Скопелос, находившемся недалеко от Афонской горы: «Жители все в великой находились печали, а особенно женский пол. Встречаясь с нами на улицах и не разумея русского языка, со вздохом сквозь слезы они нам говорили, о чем узнали мы через переводчика: если не поможет нам Россия, то мы греки все пропали». Правда, при этом он добавляет, что оставалась часть жителей острова,

¹² Павел П. Свиньин: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г. , стр, 233-235.

¹³ Владимир Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина», СПб, стр. 185-186.

которые не разделяли такой точки зрения: «А иные и при таких тесных обстоятельствах не покидали своей гордости».¹⁴

Постоянные контакты между двумя народами обусловили и определенное культурное влияние России на Грецию. Так, пребывание русского флота на Поросе, где в первые годы после освободительной революции находилась российская морская база и оказывала содействие в расправе с антиправительственными мятежами, в значительной мере трансформировало жизненный уклад острова. Описывая свои впечатления от посещения Пороса, российский дипломат с греческими корнями Константин Базили отмечал:

... Можно считать Порос русским городком, а Морейский берег – цветущею древнею полуденной России. Жители почти все понимают наш язык, и много молодых пориотов свободно говорят по-русски. Их дружеские связи с нашими матросами начались с того дня, когда первые русские, прибывшие в Порос, вместо дальних предисловий и рассказов с пориотами, снимали фуражку, крестились приговаривая: «Грек – христианин, русский – христианин» - и дружески обнимались, как дети одной церкви, и пенный кубок краси (вина – Ф.Я.) запечатлевал братский союз».¹⁵

Путешественники отмечают, что в первые годы после революции греки, в том числе и самые низы общества, проявляли огромный интерес к России, хотя зачастую у них были довольно-таки своеобразные представления об этой далекой стране. Дипломат Орлов-Давыдов пишет, что во время его пребывания в небольшом городке Андрицена в Аркадии, на русского гостя пришли посмотреть толпы любопытных греков, «расспрашивавших меня о России, например, родятся ли в ней двуглавые орлы», и он же продолжает «печать с двуглавым орлом, приложенная к моему паспорту, доставила мне всевозможное уважение со стороны городского начальства, и оно откомандировало нарочного чиновника для нужных приготовлений к моему дальнейшему путешествию».¹⁶ Российский путешественник Орлов-Давыдов, предпринявший путешествие по Греции в 1835 году.

Можно говорить и о достаточно сильном политическом влиянии России на внутривнутриполитическую жизнь Греции в рассматриваемый период. Русские путешественники отмечают, что при принятии многих решений, причем, не

¹⁴ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 239.

¹⁵ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 1. СПб., 1834. С. 79.

¹⁶ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 1. СПб., 1839. С. 58.

обязательно на самом высоком уровне, греки действовали с оглядкой на Россию. Так, например, Базили пишет, что когда на Поросе произошел антиправительственный мятеж, присутствовавший на русском корабле греческий офицер, «объясняясь простым языком чувства, он заклинал адмирала не относить к бесчестию греческого народа безумной шалости толпы бунтовщиков. Притом, задумавшись, приговаривал: что скажут в России?»¹⁷ Русское влияние несколько ослабло после смерти Каподистрии, однако по-прежнему оставалось достаточно сильным. Влияние так называемой «русской партии», которую составляли сторонники ориентации на Россию, заметно усиливается во второй половине 1830-х гг. и до конца десятилетия она будет играть ключевую роль в определении политики короля Оттона.¹⁸ Характерно, что даже когда влияние «русской партии» ослабевает в начале 1840-х гг., многие политические силы в Греции по-прежнему не решались действовать самостоятельно, без предварительного одобрения России. Так российский дипломат описывает, как во время восстания 3 сентября 1843 года, результатом которого стало принятие конституции, мятежники, предводимые генералом Димитриосом Калергисом, «не хотели действовать, не быв наперед уверенными в предварительном согласии и одобрении России». При этом, дипломат отмечает, что Калергис, не будучи уверенным, что Россия поддержит его замыслы, прибег к обману:

В ночь на 3 сентября (1843 г.) заговорщики, расхаживая по улицам Афин, подошли к дому русского посланника, где тогда был большой званый вечер, и послали своего предводителя еще раз спросить его мнения насчет их предприятия. Каллерджи (Калергис – Ф.Я.) вошел в залы, походил несколько минут между гостями, не перемолвил ни одного слова с хозяином, сидевшим за картами, и возвратившись к своим, лукаво сказал, от его имени, роковое «да». На другой день г. Катакази (наш тогдашний посланник), - во избежание кровопролития и в предупреждения дальнейшего развития революции, грозившей принять ужасные размеры и ниспровергнуть самый трон короля Оттона, - должен был волей и неволей, вместе с прочими иностранными представителями признать совершившийся переворот.¹⁹

¹⁷ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830-1831 годах. Ч. 2. Спб., 1834. С. 84.

¹⁸ Подробнее о «русской партии» см.: Мисюревич О.Е. Становление национального государства в Греции: «Русская партия» в 1837-1844 гг. М., 1997.

¹⁹ С.Н. Письма о Греции в 1865-67 годах. Спб., 1869. С. 86.

Особо хочется упомянуть и греческую диаспору на юге России, закрепившееся в районе в частности после присоединения Крыма к России в 1783 году. Греческое население, пользуясь многочисленными льготами и привилегиями, предоставленными российскими властями (предоставление земель, освобождение от воинской повинности, освобождение от налогов), превращается в динамичную составляющую общественно-политической и экономической жизни Российской империи. Греческие общества разворачивают активную общественную, благотворительную, образовательную и культурную деятельность, которая не ограничивается только территорией Российской империи, но и распространяется на молодое греческое государство. При этом в России действуют греческие школы, греческие общества и организации, издаются газеты, печатные издания, книги на греческом языке.

В качестве примера можно назвать семью фабрикантов-табаководов Месаксуди из Керчи, развернувших большую общественно-политическую и благотворительную деятельность во второй половине 19-го – начале 20-го столетия. Занимая высокие посты и должности в местной администрации и постоянно жертвуя приличные средства на развитие Юга России, при этом они никогда не теряли связь со своей исторической родиной, ярким свидетельством чему является тот факт, что Григорий Месаксуди, старший сын семьи и глава предприятия после смерти основателя табачной фабрики, отца семейства Константина Ивановича Месаксуди, большую часть своего имущества передал греческому государству, на развитие национального образования, а именно: 10% своего наследства он передал на устройство в Греции начальных училищ своего имени для детей обоих полов; 10% - на учреждение в низших, средних и высших учебных заведениях Греции для учащихся обоих полов стипендий имени Г.К. Месаксуди.²⁰

Сразу бросается в глаза, что доля завещанного Греции имущества значительно превышает всю вместе взятую сумму, завещанную крымским заведениям и обществам. Не случайно, то, что представитель греческой диаспоры, воспитанный в братской, единой верной Греции стране, Российской империи, несмотря на то, что вся жизнь и деятельность его была направлена на благосостояние этой страны, которая по существу была его родиной, никогда не забывает свою историческую родину, родину своих предков, своих корней, Грецию, и незадолго до своей смерти завещает ей большую часть своего состояния, преследуя двойную цель: оказать содействие развитию литературы в своем историческом регионе, а также оставить упоминание о себе потомкам.

²⁰ ЦГАК. Ф.376. О.5. Д. 11921. Л 256-258.

Уместно было бы привести пример деятельности и греческой общины Одессы во главе с известным купцом того времени Федором Павловичем Родоканаки, который во время революции на Крите в период с 1866 по 1869 создал комитет солидарности с Критом и проводил сбор средств для поддержки борьбы критян при содействии русского правительства. Федор Родоканаки на собственном судне поставлял на остров продовольствие. Поражает и реакция русской общественности на критские события. Сразу во многих городах России были созданы комитеты в помощь критянам.²¹ В качестве примера можно привести и тот факт, что за два месяца, с декабря 1866 по февраль 1867 гг., в Москве четырьмя организациями были собраны в помощь критянам 29147 рублей 66 копеек.²² Очевидно, что русский народ с пристальным вниманием наблюдал за развитием событий на острове Кандион (старое название Крита), причем этот интерес далеко не ограничивался югом России, который традиционно имел более тесные связи с Грецией. Художник Айвазовский, потрясенный событиями, особенно трагедией монастыря Аркадиона, нарисовал следующие картины: «Взрыв монастыря Аркадиона», «Генерал-адмирал, принимающий семейство кандиотов», «Панеллинион, высаживающий волонтеров на остров Кандион». Эти картины, вместе с другими, были выставлены на специально организованной в Одессе выставке в пользу пострадавших семейств критян, на которой было собрано 1053 руб. 20 коп.²³

10 июня 1868 года по инициативе председателя Комитета помощи критянам Ф.П.Родоканаки собрались представители русской и греческой общественности. Встреча прошла, по сообщениям одесской прессы того времени, в удивительно теплой и братской атмосфере. Были произнесены тосты за победу греческого народа, за русский народ, за председателя комитета, и раздавалось русское «ура» и греческое «зито», сливавшиеся в один «неумолкаемый гул».²⁴

Эллинизм и филэллизм в России исконно являлись огромным потенциалом, способствующим процветанию, сплочению греческой общины в России, с одной стороны, сохранению ее идентичности и самосознания, а также процветанию греческого государства и развитию двусторонних российско-греческих отношений, как на официальном, межгосударственном уровне, так и на уровне межличностных отношений, отношений простых людей. Эллинизм и филэллизм в России являются залогом преемственности в отношениях двух близких, духовно и ментально, народов.

В этом контексте кажется уместным привлечь небольшой отрывок из воспоминаний российского путешественника Александра Милюкова, посетившего Афины в 1857 году, который, на мой взгляд, очень удачно отражает отношение греков к России и к россиянам.

²¹ Сенкевич И.Г. Россия и Критское восстание 1866–69 гг. Москва, 1970. С. 87.

²² Одесский Вестник. 1867. № 38.

²³ Там же. № 84, 85.

²⁴ Одесский вестник. 1867. № 128.

При этом следует отметить, что 1857 год – это время после окончания Крымской войны, когда греческая политическая элита все сильнее ориентируется на запад, а влияние России на Балканах ослабло.

Милюков описывает, как, прогуливаясь недалеко от Акрополя и разговаривая со своим греческим собеседником по-французски, ему довелось встретить старого пастуха. Старик сначала подумал, что путешественник был из Германии, однако после того как пастух узнал, что Милюков приехал из России, «нахмуренное лицо старика прояснилось». Далее автор пишет: «Россос!- проговорил старик, прикладывая руку к сердцу, - садись, садись! Русские наши гости! Русские наши братья!»²⁵ Аналогичную сцену своей встречи с греческими крестьянами описывает и некий русский путешественник Л.А.Бенике, посетивший Грецию более чем полвека спустя: «Узнав, что я русский, они обрадовались и заявили, что они русских считают братьями».²⁶

Мне кажется, что эти слова греческого пастуха 1857 года характеризуют отношения двух наших народов, в первую очередь на межличностном уровне, на уровне простых людей, вне зависимости от политической конъюнктуры и целесообразности.

Подытоживая, хотелось подчеркнуть степень филэллинских настроений, пронизывающих российское общество, привлекая, при этом, отрывок из «Путевых записок» русского писателя, мецената, любителя античности, тайного советника, почетного члена Академии Наук Владимира Петровича Орлова-Давыдова, предпринявшего, организовавшего и финансировавшего в 1835 году научно-познавательную экспедицию на Ионические острова, а Грецию, Малую Азию и Турцию, итоги которой стали его путевые заметки, выпущенные в 1839 году в СПб, тип. Эдуарда Праца. Кстати, принять участие в экспедиции Владимир Петрович Орлов-Давыдов пригласил русского художника Карла Павловича Брюллова, архитектора академика Ефимова и археолога, доктора Крамера. Кстати, Карл Брюллов во время экспедиции создал прекрасно отражающие непревзойдённую природную красоту Греции картины. Итогом экспедиции стали «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции» которые завершаются следующими словами: *«Как ни глубока будущность Севера, не менее глубоко прошедшее Греции, и когда паровая сила сблизит на всем земном шаре расстояния и заменит труды тысячей народа, и тогда ум человеческий не создаст ничего совершеннее Илиады и Парфенона»*²⁷.

Искренне убеждена, что приводимый материал еще раз доказывает прочные узы историко-духовно-цивилизационной общности между нашими народами.

²⁵ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 53.

²⁶ Бенике Л.А. Поездка в Грецию. Харьков, 1915. С. 28.

²⁷ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 2. СПб., 1839. С. 333.

